

МЕСМАХЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2024

МЕСМАХЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2024

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**STIEGLITZ
ACADEMY**

ISBN 978-5-6051629-2-6

9 785605 162926 >

Санкт-Петербург
2024

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

СПГХПА
ИМЕНИ
А. Л. ШТИГЛИЦА

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Минобрнауки России)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ АКАДЕМИЯ
имени А. Л. Штиглица**

МЕСМАХЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2024

21–22 марта 2024 г.

Сборник научных статей

Санкт-Петербург
2024

УДК 7.01
ББК 85.1
М53

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица».

Рецензенты:

Н. М. Калашикова — доктор культурологии, профессор, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея;

А. В. Корнилова — доктор искусствоведения, профессор кафедры общественных дисциплин и истории искусств СПГХПА им. А. Л. Штиглица.

М53 Месмахеровские чтения — 2024 : материалы междунар. науч.-практ. конф., 21–22 марта 2024 г. : сб. науч. ст. / ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица»; ред.-состав. А. С. Ергина, М. Е. Орлова-Шейнер, А. М. Фатеева, Н. Н. Цветкова, О. Б. Элькан ; науч. ред. А. И. Баргенов, Г. Е. Прохоренко, О. Б. Элькан. — Санкт-Петербург : СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2024. — 556 с., ил..

ISBN 978-5-6051629-2-6

В сборнике опубликованы материалы международной научно-практической конференции «Месмахеровские чтения — 2024», которая по традиции приурочена ко дню рождения видного петербургского архитектора, первого директора Центрального училища технического рисования барона Штиглица Максимилиана Егоровича Месмахера (1842–1906). Научные труды искусствоведов, художников, преподавателей, аспирантов и студентов посвящены самым различным проблемам в области изобразительного и прикладного искусства, дизайна и архитектуры. Некоторые статьи посвящены вопросам художественно-промышленного образования, обретающим все большую актуальность в эпоху глобальных исторических преобразований.

ISBN 978-5-6051629-2-6

© Коллектив авторов, 2024

© ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

1. Архитектура. Проблемы синтеза искусств

<i>Жук А. Е.</i> Правительственная резиденция К-1 А. В. Жука: комплексное архитектурно- дизайнерское решение объекта..... 10	
<i>Zhuk A. E.</i> The state-owned residency K-1 by A. V. Zhuk: comprehensive architectural and design solution of the object..... 10	
<i>Зорина И. Л.</i> Влияние идей радикального дизайна 60-х годов на европейскую архитектуру последующих десятилетий 16	
<i>Zorina I. L.</i> Influence of the ideas of radical design of the 60s on the european architecture of the following decades 16	
<i>Толмачева Н. Ю.</i> К вопросу декорирования скульптурой и живописью Исаакиевского собора (на примере подкупольного пилона большого купола)..... 22	
<i>Tolmacheva N. Y.</i> On the issue of decoration with sculpture and painting of St. Isaac's cathedral (on the example of the dome pylon of the great dome)..... 22	

2. Декоративно-прикладное искусство и дизайн

<i>Александрова Я. А.</i> Алексей Мукушев — неукротенный талант..... 27	
<i>Aleksandrova Y. A.</i> Alexey Mukushev — untamed talent 27	
<i>Борзова Е. В.</i> К проблеме стилизации ювелирной продукции фирмы «Сазиков» (по материалам клада Нарышкиных)..... 33	

<i>Borzova E. V.</i> On the problem of styling of jewelry products of the Sazikov's company (based on the Naryshkin's treasure) 33	
<i>Ермолаева М. И., Дзембак Н. М.</i> Современное воплощение элементов башкирской национальной одежды в текстиле... 40	
<i>Ermolaeva M. I., Dzembak N. M.</i> Modern embodiment of elements of bashkir national clothing in textiles 40	
<i>Крылов С. Н.</i> Образы древнехристианских святых в современной перегородчатой эмали на примере работ над ковчегами святого преподобного Антония Великого и священномученика Киприана Карфагенского 47	
<i>Krylov S. N.</i> Images of ancient christian saints in modern cloisonne enamel by the example of works on the ark of St. Reverend Anthony the Great and the ark of St. Martyr Cyprian of Carthage 47	
<i>Кузнецова М. М.</i> К вопросу об определении стиля костюма 52	
<i>Kuznetsova M. M.</i> On the question of determining a fashion styles 52	
<i>Назина Л. В., Русаков С. К.</i> Сергей Чехонин — организатор и вдохновитель агитфарфора 58	
<i>Nazina L. V., Rusakov S. K.</i> Sergey Chekhonin as the organizer and inspirer of the soviet propaganda porcelain 58	
<i>Петрухина О. В.</i> Инсталляции и выставки с применением кинетических и проекционных технологий в СССР 64	
<i>Petrukhina O. V.</i> Installations and exhibitions using kinetic and projection technologies in the USSR 64	

<i>Сталинская Е. П.</i>	
Творческий портрет заслуженного художника, профессора Н. Ю. Лаврухина	72
<i>Stalinskaya E. P.</i>	
Creative portrait of the distinguished artist, professor N. Y. Lavrukhin.....	72
<i>Цветкова Н. Н.</i>	
Современные тенденции в искусстве росписи ткани (опыт российских и международных выставок).....	79
<i>Tsvetkova N. N.</i>	
Modern trends in the art of fabric painting (experience of russian and international exhibitions)	79
<i>Червонная М. А.</i>	
Антропометрическое моделирование в дизайн-проектировании.....	85
<i>Chervonnaya M. A.</i>	
Anthropometric models in design.....	85

3. Изобразительное искусство: вчера, сегодня, завтра

<i>Акилова А. Д.</i>	
Русский провинциальный портрет в жанровой картине XIX в.....	91
<i>Akilova A. D.</i>	
Russian provincial portrait in the XIX century's genre painting.....	91
<i>Антипина Д. О.</i>	
Живописное творчество В. Н. Козлова: декоративные черты реалистичной трактовки образов	97
<i>Antipina D. O.</i>	
Painting by Victor N. Kozlov: decorative features of realistic interpretation of images	97
<i>Артемова А. А.</i>	
Живопись орхидей в творчестве Чхусы Ким Чонхи (1786–1856).....	105
<i>Artemova A. A.</i>	
Orchid painting in art of Chusa Kim Jeonghui (1786–1856).....	105

<i>Арутюнян Ю. И.</i>	
Средневековая архитектура в образном решении детской книжной иллюстрации	113
<i>Arutyunyan J. I.</i>	
Medieval architecture in the creative interpretation of children's book illustration.....	113
<i>Голубева А. А.</i>	
В поисках новых смыслов. Современное искусство в исторических пространствах	123
<i>Golubeva A. A.</i>	
In search of new meanings. Contemporary art in historical spaces	123
<i>Гринина Е. Н.</i>	
«Живописное хокку» Елены Брановицкой....	129
<i>Grinina E. N.</i>	
«Picturesque haiku» by Elena Branovitskaya....	129
<i>Зенина Т. В.</i>	
Скифские древности в работах Н. К. Рериха	136
<i>Zenina T. V.</i>	
Scythian artefact in the artworks of N. K. Roerich ..	136

<i>Карасева И. С.</i>	
История России в театрально-декорационном искусстве начала XIX века	142
<i>Karaseva I. S.</i>	
The history of Russia in the theatrical art of the early XIX century	142
<i>Котломанов А. О.</i>	
Параллельный графический текст: поэма «Двенадцать». Критический комментарий.....	148
<i>Kotlomanov A. O.</i>	
Parallel graphical text: poem "The Twelve". Critical commentary.....	148
<i>Лобская А. А.</i>	
Проблема интерпретации текста поэмы «Илиада» в цикле иллюстраций Джорджо де Кирико	158
<i>Lobskaia A. A.</i>	
The problem of interpretation of the Homer's Iliad text in Giorgio de Chirico's cycle of book illustrations.....	158

<i>Рыжкина Е. Н.</i>	
Из истории советской сатирической графики. Дмитрий Моор — художник-боец, апологет советской агитационной сатиры.....	166
<i>Ryzhkina E. N.</i>	
History of soviet satirical graphics. Dmitry Moore is a fighter artist, an apologist for soviet propaganda satire.....	166
<i>Терещенко Т. С.</i>	
Ирвин Пенн: натюрморты.....	175
<i>Tereshchenko T. S.</i>	
Irving Penn: still lifes.....	175
<i>Христолюбова Т. П.</i>	
Жанр натюрморта в творчестве Ивана Покровского.....	183
<i>Khristolyubova T. P.</i>	
Still-life in the work of Ivan Pokrovsky	183
<i>Юрасовская Н. М.</i>	
Российский след в изобразительном искусстве ар-деко	188
<i>Yurasovskaya N. M.</i>	
Russian trace in the fine art of art deco.....	188
<i>Афонин Г. А.</i>	
Современная мемориальная скульптура на мусульманском некрополе Кенсай: формально-стилистический и иконографический анализ.....	196
<i>Afonin G. A.</i>	
Modern memorial sculpture at the muslim necropolis of Kensai: formal-stylistic and iconographic analysis.....	196
<i>Чжао Ш., Жалсанова Б. М.</i>	
Неорелизм в искусстве Китая (на примере творчества Синь Дунвана, Луо Чжунли и Чена Данцина).....	208
<i>Zhao Sh., Zhalsanova B. M.</i>	
Neorelism in the art of China (based on the example of the work of Xin Dung-wang, Luo Zhongli and Chen Danqing)	208

<i>Лецинский К. В., Березина А. С.</i>	
Значение рисунка, подмалевка и имприматуры в копировании произведений масляной живописи старых мастеров	214
<i>Leshchinskii K. V., Berezina A. S.</i>	
The significance of drawing, underpainting and imprimatura in copying oil paintings of the old masters	214

4. Художественно-промышленное образование в России и за рубежом

<i>Белов А. Н.</i>	
Использование нейронных сетей в процессе образования	220
<i>Belov A. N.</i>	
Using neural networks in education.....	220
<i>Брагилевский Д. Ю.</i>	
Ресурсы памяти при обучении студентов-художников иностранным языкам.....	226
<i>Bragilevsky D. Yu.</i>	
Memory resources as applied to learning of foreign languages by art students	226
<i>Высоцкая Х. И.</i>	
Сохранение культурного наследия в текстиле и костюме Белорусской государственной академии искусств в начале 2020-х гг.	236
<i>Vysotskaya K. I.</i>	
Preservation of cultural heritage in textiles and costume of the Belarusian state academy of arts in the early 2020s.....	236
<i>Голубева Е. Я.</i>	
Командное проектирование как фактор активизации образовательного процесса.....	242
<i>E. Ya. Golubeva</i>	
Team design as an activation factor of educational process.....	242
<i>Павлова Н. А.</i>	
Историческая реконструкция инструментария как метод освоения шрифтовой культуры	249
<i>Pavlova N. A.</i>	
Historical reconstruction of instrumentation as a method of studying font culture	249

5. Аспирантура

Иванова М. В.

Русские ткани второй половины XIX — начала XX в. на восточных рынках 255

Ivanova M. V.

Russian printed cotton of the second half of the XIX — early XX centuries in the eastern markets..... 255

Игнатъкова А. Д.

Художественно-стилистические особенности сюжетных текстильных рисунков в отечественных набивных тканях 1920–1930-х гг. 261

Ignatkova A. D.

Artistic and stylistic features of subject textile drawings in domestic printed fabrics of the 1920s — 1930s 261

Контев А. С.

Архитектура Выборга как панорама стилевой эволюции начала XX в. 266

Koptev A. S.

Architecture of Vyborg as a panorama of the stylistic evolution of the early xx century 266

Коркина В. Б.

Керамические плитки фабрики «Рако» в интерьерах Петербурга и Москвы начала XX века 273

Korkina V. B.

Ceramic tiles of the factory “Rako” in the interiors of St. Petersburg and Moscow at the beginning of the XX century 273

Лецинский Д. К.

Специфика компьютерного искусства в СССР в контексте мировой цифровой культуры 278

Leshchinskiy D. K.

Specifics of computer art in the USSR in context of the world digital culture 278

Любимова А. И.

Концепции символизма в отечественном искусстве авангарда 285

Lubimova A. I.

The concepts of symbolism in the art of avant-garde 285

Митина М. Н.

Оятская керамика и глиняная игрушка XXI в. в творчестве мастеров центра возрождения ремесел: традиции и новаторство 292

Mitina M. N.

Oyat ceramics and clay toys of the XXI century in the art of masters of the Crafts Revival Center: traditions and innovation 292

Мишуrowsкая О. Е.

Репрезентация жанров шинуазри в интерьере рококо 297

Mishurovskaya O. E.

Chinoiserie in rococo interior: harmony and contrast in the context of european typology 297

Ну Шивэй

Анималистическая скульптура в русском академическом искусстве XIX — первой четверти XXI в. 303

Ni shiwei

Animal sculpture in russian academic art of the XIX — first quarter of the XXI centuries .. 303

Пиндюр А. В.

История выставочной деятельности Академии художеств: первая передвижная академическая выставка 310

Pindur A. V.

The history of the exhibition activities of the Russian Academy of arts: the first travelling academic exhibition 310

Пряникова А. Л.

Графические серии в контексте творчества Эрте 317

Pryanikova A. L.

Graphic series in the context of the Erté's creativity 317

Пятых Ф. О.

Коммерческое искусство как феномен арт-рынка: основные черты и функции 326

Piatykh F. O.

Commercial art as an art market phenomenon: features and functions 326

Сюе Биньюань
 Экологическая направленность проектирования
 китайских терапевтических садов..... 331
Xue Bingyuan
 The ecological orientation design of the chinese
 therapeutic gardens 331

Фролова М. К.
 Экспозиция мемориального Музея
 «Дорога жизни» на станции Ладожское озеро:
 к истории разработки и реновации..... 339
Frolova M. K.
 The exposition of the Memorial Museum “The
 Road of Life” at the “Ladoga Lake” station:
 on the history of development and renovation 339

6. Магистратура

Войтов Р. В.
 Ассоциативно-образная структура
 общественных интерьеров 346
Voytov R. V.
 Associative-imaginative structure of public
 interiors 346

Волкова М. С.
 Путь к стрефизму: эволюция творческих
 принципов Леона Хвистека в контексте
 европейского модернизма 1917–1925 гг..... 353
Volkova M. S.
 The way to strefism: the evolution of Leon
 Chwistek’s artistic principles in the context of
 european modernism of 1917–1925..... 353

Гафурова А. М.
 Оборудование интерьера Исламского центра
 в Казани: традиции и современность..... 359
Gafurova A. M.
 Interior equipment of the Islamic centre in Kazan:
 tradition and modernity..... 359

Жамилова М. Ж.
 Традиции гиждуванской керамики
 в мастерской династии Нарзуллаевых 366
Jamilova M. J.
 Traditions of Gijduvan ceramics in the workshop of
 the Narzullaev dynasty..... 366

Кузнецова К. В.
 Образ «советской женщины» в агитационном
 фарфоре (на примере работ Н. Я. Данько)..... 371
Kuznetsova K. V.
 The image of the «soviet woman» in propaganda
 porcelain (on the example
 of N. Y. Danko’s works)..... 371

Маркова П. В.
 Приданое как способ сохранения
 и трансляции традиций чувашской выпивки ... 376
Markova P. V.
 Dowry as a method of preservation and broadcast
 of traditions of chuvash embroidery 376

Островская М. В.
 Проблема художественного формообразования
 в раннем творчестве Густава Клуциса —
 пионера советского фотомонтажа 382
Ostrovskaya M. V.
 The problem of art morphogenesis
 in the early works by Gustav Klutsis —
 pioneer of soviet photomontage 382

Пантелеев А. Ю.
 Текст как элемент образного решения
 в живописных произведениях Э. Русея
 и Э. Булатова (сравнительный аспект)..... 388
Panteleev A. Y.
 Text like art-element in contemporary
 art work’s: E. Ruscha and E. Bulatov
 (comparative aspect) 388

Пудова П. А.
 Предметы традиционного африканского
 искусства в советском натюрморте второй
 половины XX века: источники образов
 и варианты репрезентации 394
Pudova P. A.
 The pieces of traditional african art in the soviet
 still life of the second half of the XX century:
 image sources and representation options..... 394

Ушакова Е. К.
 Разнообразие тем и мотивов в творческой
 деятельности выпускников-ювелиров кафедры
 художественной обработки металла СПГХПА
 имени А. Л. Штиглица 401

Ushakova E. K.

Variety of themes and motives in the creative activity of the graduates-jewelers of the department of artistic metal processing of Saint Petersburg State Academy of Art and Design named after A. L. Stieglitz..... 401

Фам Т. Т. Н.

Древний город Хойан. Влияние китайской культуры на архитектуру и интерьер Вьетнама 408

Pham T. T. N.

The ancient city of Hoi an. The influence of Chinese culture on the architecture and interior of Vietnam 408

Федорова А. Л.

Синтез восточных и европейских традиций в культовых постройках Петербурга эпохи историзма (на примере Большой хоральной синагоги) 414

Fedorova A. L.

Synthesis of eastern and european traditions in the religious buildings of St. Petersburg of the historicism era on the example of the Great choral synagogue 414

7. Специалитет

Гришин Р. В.

Значение света в творчестве Микеланджело Меризи да Караваджо 422

Grishin R. V.

The meaning of light in the works of Michelangelo Merisi da Caravaggio..... 422

Смолякова А. Ю.

Иванова Валентина Борисовна — педагог Студии имени В. И. Суворова 429

A. Yu. Smolyakova

Valentina Borisovna Ivanova— teacher of Suvorov's art studio 429

Артемова Ю. В.

Реконструкция омофора из захоронения Арсения Элассонского как возвращение к духовным ценностям культурного наследия 435

Artemeva Y. V.

Reconstruction of the omophorion from the burial of Arseniy Elassonsoky as a return to the ecclesuastical values of cultural heritage 435

Диденко М. Е.

Плетеный орнамент карельских овально-выпуклых фибул XI–XIII вв.: стилистические особенности и гипотезы происхождения..... 441

Didenko M. E.

The knot-braided ornament of Karelian oval brooches of the XI–XIII centuries: stylistic features and hypotheses about the origin 441

Касаткина В. А.

Искусственный интеллект и архитектор. Актуальное новое или угроза профессиональной деятельности?..... 449

Kasatkina V. A.

Artificial intelligence and architecture. Current new or threat to professional activity? 449

Копылова М. А.

Мотивы архитектуры северного модерна в проектах и постройках М. А. Мамошина ... 461

Kopylova M. A.

The motifs of northern art nouveau in the projects and buildings of M. A. Mamoshin 461

Куценко Е. С.

Грани творчества петербургского художника Сергея Фалькина 469

Kutsenko E. S.

The facets of the work of St. Petersburg artist Sergei Falkin 469

Лиханова С. А.

К вопросу о мастерах оклада Евангелия Успенского собора Московского кремля первой четверти XV в..... 475

<i>Likhanova S. A.</i>	
To the issue of the gospel framework masters of the Assumption (Uspensky) cathedral of the Moscow Kremlin in the first quarter of the XV century ..	475
<i>Макеева О. Д.</i>	
Табернакль как символ в пространстве средневекового храма ..	483
<i>Makeeva O. D.</i>	
Tabernacle as a symbol in the space of a medieval temple ..	483
<i>Неуѣмина О. Б.</i>	
Влияние артиллерийских трактатов на композицию и оформление западноевропейских прицельных приспособлений XVI в.	491
<i>Neuymina O. B.</i>	
The influence of artillery treatises on the composition and decorative design of the XVI century western european sighting devices.....	491
<i>Новикова М. А.</i>	
Иконографические особенности водолея в виде Аристотеля и Кампаспы из Государственного Эрмитажа ..	500
<i>Novikova M. A.</i>	
Iconographic features of aquamanile in the form of Aristotle and Campaspe from The State Hermitage Museum.....	500
<i>Нордман П. С.</i>	
Трехглавие в школах древнерусского храмового зодчества ..	505
<i>Nordman P. S.</i>	
Three-domed in schools of ancient russian temple architecture ..	505
<i>Ромашева П. Д.</i>	
Творчество Ю. Хржановского: влияние П. Филонова и формирование индивидуального стиля ..	513
<i>Romasheva P. D.</i>	
The work of Yuri Khrzhanovsky: Pavel Filonov's influence and the formation of an individual style.....	513

<i>Степаненко Э. С.</i>	
К вопросу о локализации происхождения акваманила из коллекции Государственного Эрмитажа ..	519
<i>Stepanenko E. S.</i>	
About the localizing of the origin of aquamanil from the collection of The State Hermitage Museum.....	519
<i>Фигуровский Ф. А.</i>	
Дом политкаторжан как образец ленинградского архитектурного авангарда конца 1920-х — начала 1930-х гг.	527
<i>Figurovsky Ph. A.</i>	
Politkatorzhan's house as an example of the Leningrad architectural avant-garde of the late 1920s — early 1930s ..	527
<i>Харенко А. Г.</i>	
Периодизация пейзажной живописи в творчестве К. Я. Крыжицкого ..	534
<i>Kharenko A. G.</i>	
Periodization of landscape painting in the work of K. Ya. Kryzhitsky ..	534
<i>Шролик А. Ю.</i>	
Техника миллефиори в произведениях Ф. М.-А. Ибрагимова.....	544
<i>Shrolik A. Y.</i>	
Millefiori technique in the works of F. M.-A. Ibragimov ..	544
<i>Яранова А. А.</i>	
Мотив «женщина в окне» на плакетках из слоновой кости из собрания Музея Сулеймании в Ираке ..	549
<i>Iaranova A. A.</i>	
Motif «woman in the window» in ivory plaque from the collection of the Sulaimaniyah Museum in Iraq.....	549

СОВРЕМЕННАЯ МЕМОРИАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА НА МУСУЛЬМАНСКОМ НЕКРОПОЛЕ КЕНСАЙ: ФОРМАЛЬНО- СТИЛИСТИЧЕСКИЙ И ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Задачи систематизации и популяризации культурного наследия актуализируют изучение исторических некрополей — мест сосредоточения памятников мемориальной скульптуры и архитектуры. Анализ надгробий на мусульманском некрополе Кенсай в Алма-Ате подтверждает существование самобытной культуры мемориальной пластики, в которой жанр светского портретного памятника сосуществует с традиционными формами, сохранение и адаптация которых в современных условиях является актуальной проблемой. Процессы урбанизации, социокультурного упадка и стагнации в системе государственного заказа и приема памятников отражаются на исторических некрополях, что приводит к утрате целостности, гармоничности и своеобразия скульптурно-пространственной среды и эстетических свойств наиболее ценных надгробий.

Ключевые слова: кладбище, некрополь, мемориальная скульптура, надгробие, кулпытас, Кенсай, Алма-Ата.

Г. А. Афонин

MODERN MEMORIAL SCULPTURE AT THE MUSLIM NECROPOLIS OF KENSAI: FORMAL-STYLISTIC AND ICONOGRAPHIC ANALYSIS

The tasks of cultural heritage systematization and popularization actualize the study of historical necropolises — places of concentration of memorial sculpture and architecture. An analysis of tombstones at the Kensai muslim necropolis in Almaty confirms the existence of a distinctive culture of memorial sculpture, in which the genre of secular portrait monument coexists with traditional forms, the preservation and adaptation of which in modern conditions is an important problem. Processes of urbanization, socio-cultural decline and stagnation in the system of state ordering and acceptance of monuments are also reflected in historical necropolises, which leads to the loss of integrity, harmony and originality of the sculptural-spatial environment and the aesthetic properties of the most valuable tombstones.

Keywords: cemetery, necropolis, memorial sculpture, tombstone, Kensai, Alma-Ata.

Исторический некрополь Кенсай в Алма-Ате является крупнейшим мусульманским кладбищем в Казахстане и представляет интерес для изучения духовной и материальной культуры народа. Репрезентативность надгробий как культурного памятника и достоверность содержащейся в них разноплановой информации зависят от методологии изучения и сохранности всего комплекса некрополя, включая документальные источники [21, с. 77].

Некрополь Кенсай (в переводе с казахского — широкая щель) получил название от одноименного урочища, расположенного в юго-восточной части Алма-Аты в районе горных «прилавок» — невысоких холмов, составляющих северное подножие гор Заилийского

Алатау. Возможно, урочище было названо так из-за широкой ложбины между южным и северным холмами, ограничивающими ущелье. В современном городе это место ограничено с юга, севера и запада улицей Сарсенбаева (ранее — улица Барнаульская), а с востока — склоном холма, на котором расположены кладбища Кенсай-1 и Кенсай-2. Топоним «Кенсай» довольно распространен в Казахстане [20, с. 132] и помимо ущелий встречается в обозначении урочищ, ледников и рек [27, с. 194]. Однако, несмотря на древность данного оронима, часто встречается его искаженное употребление: превращение одного цельного географического названия в парное слово через дефис или без него (Кен-сай, Кен сай). На основе изучения географических реалий, учета исторических обстоятельств и лингвистических закономерностей был определен научный вариант топонима — «Кенсай», выяснена его этимология [1, с. 7]. Топоним «Кенсай» по отношению к мусульманскому кладбищу, расположенному на холмах одноименного урочища, в документах впервые появляется в 1974 г. [16, л. 9], а официальное решение о наименовании места захоронений было принято исполкомом Алма-Атинского городского совета депутатов трудящихся 12 сентября 1977 г. [10, л. 136].

Развитие кладбища Кенсай как историко-мемориального некрополя и появление на нем индивидуальных художественных надгробий неразрывно связано с историей Алма-Аты, бывшей в течение 70 лет (с 1927 по 1997 г.) столицей республики. После выхода постановления Совета Министров Казахской ССР «Об утверждении проекта планировки и застройки г. Алма-Ата» от 14 декабря 1953 г. началось интенсивное промышленное и хозяйственное освоение новых земель, отведенных городу [3, с. 42]. Вопрос об открытии мусульманского кладбища давно стоял на повестке дня исполнительных органов города, поскольку отдельного места для захоронения мусульман к описываемому времени в городе не было [15, л. 9]. Захоронения производились частично на Центральном кладбище, где в 1938 г. был отведен специальный участок, частично в различных местах (в частности, на участке земли колхоза «Луч Востока»), «где отсутствует какое бы то ни было благоустройство, вблизи жилья, без соблюдения санитарных норм» [7, л. 89, 103]. Наиболее подходящим и давно существующим кладбищем был определен участок в восточной части города, на землях колхоза «Луч Востока», площадью ориентировочно 2 га на склонах прилегающих к городу сопкам. То, что кладбище расположено на холме, косвенно подтверждает время его основания, датируемое XIX в. Традиции размещения мусульманских кладбищ на возвышенности отмечали исследователи казахской степи еще в XIX в.: «для могил киргизы выбирают видные и людные места у больших дорог и непременно на холме, сопке или горе. Этим выражается почет умершим...» [24, с. 220]. К настоящему времени захоронений XIX или первых десятилетий XX вв. выявить не удалось. Сохранились единичные захоронения 1930–1940-х гг. в юго-западной части некрополя.

В 1959 г. это кладбище было не огорожено, не имело благоустроенных подъездов и подходов, никем не охранялось. Вблизи него производилась интенсивная самовольная застройка без соблюдения норм санитарного разрыва. При этом территория кладбища была к тому времени полностью использована, и свободных участков для захоронения оставалось мало [7, л. 89, 103]. В июне 1959 г. исполком Алма-Атинского горсовета решил «... просить исполком Алма-атинского областного Совета депутатов... передать городу территорию, занятую мусульманским кладбищем на землях колхоза «Луч Востока» в Широкой щели, прирезав к существующему кладбищу 12 га с восточной и северо-восточной стороны для организации мусульманского кладбища» [8, л. 157]. Этим же решением городское управление благоустройства и коммунальных предприятий было обязано заказать проекты реконструкции, предусмотрев полное ограждение территории, устройство дорог, пешеходных дорожек, озеленения, освещения и строительство подъездов. Проектно-сметную документацию на благоустройство выполнял проектный институт Казгипрогорсельстрой. 24 августа 1959 г. в административное подчинение города были переданы земли колхоза «Луч Востока»

Илийского района Алма-Атинской области, на которых располагалось мусульманское кладбище [15, л. 628]. Территориально оно стало относиться к Фрунзенскому району Алма-Аты, образованному 14 сентября 1936 г. [14]. Одновременно исполком Фрунзенского района повел «решительную борьбу с самовольным строительством и посадкой огородов на территории, прирезываемой к мусульманскому кладбищу» [8, Л. 158–159]. В 1965 г. на кладбище с улицы Микояна были подведены асфальтированные подъездные пути, асфальтированы дороги на кладбище, построено новое служебное помещение, склад для хранения инвентаря и материала [12, л. 4]. В 1968 г. проведена еще одна реконструкция, в ходе которой к кладбищу был прирезан участок 15 га восточнее существующей территории [5, л. 104].

К началу 1970-х гг. столичное кладбище Кенсай стало неофициальным национальным некрополем казахского населения города. Этому, вероятно, способствовал личный авторитет и реальный административный ресурс первого секретаря ЦК Компартии Казахской ССР Д. А. Кунаева, ставшего в 1971 г. членом Политбюро ЦК КПСС (впоследствии — трижды Герой Социалистического Труда). Одновременно оказал влияние другой фактор — перемещение сельского населения, в основном казахского, в город. Ускорение темпов промышленного развития способствовало территориальной мобильности местного населения. Если в 1950-е–1960-е гг. миграционные процессы почти не были развиты, то в следующее десятилетие они разворачиваются на всей территории республики [26, с. 25]. Основным источником пополнения населения Алма-Аты становятся мигранты из городов и особенно сел Казахстана [23, с. 86–88], в которых мусульманские погребальные традиции не были изжиты и активно практиковались.

К этому времени был организован ряд мероприятий по благоустройству некрополя: в 1972 г. были изъяты земельные участки близ кладбища для строительства автодороги на нем [6, л. 61], а двумя годами ранее приказом по управлению благоустройства и коммунальных предприятий, кладбище было укомплектовано «обслуживающим персоналом из числа местных национальных кадров, знающих порядок и обычаи захоронений по национальному обряду» [13, л. 522]. При этом кладбище официально имело не религиозный, а этнический характер (хотя на нем производились захоронения именно по признаку мусульманского вероисповедания — кроме казахов также уйгуров, татар, азербайджанцев, дуган).

Хронологически это совпадает с захоронениями родителей Д. А. Кунаева, и эта версия наиболее вероятно объясняет довольно резкий рост числа погребений на Кенсай по сравнению с погребениями на мемориальном Центральном кладбище, где захоранивались лица разных национальностей и вероисповеданий. Так, в 1970–1971 гг. в мемориальной зоне Центрального кладбища были похоронены видные деятели республики — народный артист СССР, актер и режиссер Ш. К. Айманов, председатель КГБ генерал А. А. Арстанбеков, министр культуры И. О. Омаров, бывший министр внутренних дел М. С. Сапаргалиев. Но уже в 1972 г. на мусульманском некрополе были похоронены Герой Социалистического Труда Х. М. Мурзагалиев, бывший ректор Усть-Каменогорского педагогического института А. Х. Темирбеков и академик, вирусолог Х. Ж. Жуматов. На участке «почетных захоронений», где впоследствии возникнет некрополь семьи Кунаевых, также в 1972 г. был похоронен муж младшей сестры Д. А. Кунаева, Найли Ахмедовны — заместитель министра образования Д. М. Серикбаев.

Четвертого января 1973 г. скончалась мать первого секретаря ЦК Компартии Казахской ССР Д. А. Кунаева — З. Б. Кунаева (Чимбулатова). Известно, что родители Д. А. Кунаева были похоронены по мусульманскому обряду, впоследствии им были установлены памятники с мусульманской религиозной символикой. Это стало неофициальным «сигналом» для общества, и уже в январе 1973 г. на Кенсай были похоронены Герои Советского Союза М. Габдуллин и Х. К. Кобиков, которых невозможно назвать людьми ни религиозными, ни поддерживавшими реставрацию традиционализма. Оба были членами КПСС, Кобиков

учился в партийной школе при ЦК Компартии Казахстана, а Габдуллин был академиком Академии педагогических наук СССР и ректором педагогического института. В том же 1973 г. на Кенсай упокоились первый председатель Комитета по радиовещанию и телевидению Х. Мустафин, основатели казахского национального профессионального театра народные артисты, лауреаты Государственной премии СССР А. У. Умбетбаев и К. Джандарбеков, народный художник Казахской ССР А. Кастеев, классик казахской литературы, академик С. Муканов, крупный ученый-селекционер М. А. Ермаков, директор Института философии и права Академии наук Т. Жангельдин и заслуженный геолог Казахской ССР, Герой Социалистического Труда Н. Т. Токенов. Таким образом, Кенсай становится местом упокоения преимущественно национальной номенклатуры.

Процесс проявил довольно сильную инерцию, и Кенсай в общественном сознании получил статус «престижного» места захоронения. За последующие несколько лет в юго-западной (наиболее ранней) части, на южном склоне холма сформировалась мемориальная зона, или «участок почетных захоронений», на котором были похоронены видные деятели республики. Среди них государственный деятель Ж. А. Адамов, заслуженный экономист, министр пищевой промышленности Е. М. Бутин, министр просвещения и образования К. Айманов, лауреат Государственной премии писатель Х. И. Есенжанов (1974); металлург Герой Социалистического Труда Н. К. Жаксыбаев, военный врач, профессор А. Т. Алданазаров (1975). Особенно популярным у казахской творческой и научной интеллигенции и представителей власти некрополь Кенсай стал после захоронения в 1976 г. отца Д. А. Кунаева — М. Ж. Кунаева, что объясняется влиянием пережитков «аграрно-традиционного» сознания, характерного для части представителей казахской советской номенклатуры — выходцев из патриархальной сельской глубинки. Это захоронение окончательно закрепило за Кенсай статус некрополя казахской национальной творческой и государственной элиты.

Художественно значимые надгробия стали появляться на кладбище Кенсай после первых захоронений видных деятелей государства, науки и культуры. Казахская скульптура, как все профессиональное национальное изобразительное искусство, молода, поскольку ведет отсчет от первых послереволюционных десятилетий. Характер народа и его коллективно-всеобщая способность в обобщенной форме отражать идеал, веками скованные религиозными догмами ислама, запрещавшими изображение человека, оказались очень пластичными. Уже первое поколение художников социалистической республики, получивших профессиональное образование, создало ряд художественных надгробий, отмеченных реалистической выразительностью, индивидуальным своеобразием и свободой творческих решений. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. в Алма-Ате начали работать выпускники Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина и Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова — Т. С. Досмагамбетов, Е. А. Сергебаев, О. Г. Прокопьева, В. Ю. Рахманов, выпускники Алма-Атинского художественного училища имени Н. В. Гоголя — Б. А. Тулеков и П. И. Шорохов. С 1954 г. работал в Алма-Ате выпускник ЛВХПУ имени В. И. Мухиной — П. Д. Усачев, позже окончил этот вуз и приехал А. Б. Татаринов. Все они пробуют себя в мемориальном жанре, создавая надгробия для известных писателей, артистов, ученых. Определяющими факторами становятся также материальная доступность индивидуальных надгробий на фоне роста общего благосостояния общества, масштабного развития народного хозяйства, утверждение в массовом сознании материалистической «доктрины» смерти, что позволило отойти от резко «суженного», религиозного ее восприятия и, соответственно, разнообразить формы надгробных памятников [4, с. 213]. В 1970-е-1980-е гг. о себе заявляет новая плеяда скульпторов — Б. А. Абишев, М. О. Айнеков, Е. Едгебаев, К. Какимов, У. Б. Шанов, А. Х. Баярлин, Б. С. Досжанов. В 1990-е гг. ярко проявляют себя Н. А. Далбаев, Е. Е. Рахмадиев, Ш. А. Толешев, М. С. Азмаганбетов. Многие казахстанские скульпторы получили образование в Москве и Ленинграде, что отразилось

на художественном уровне созданных ими памятников. Все это время продолжают активно работать в жанре мемории и старейшина казахстанской скульптуры — народный художник Казахстана Х. И. Наурызбаев, получивший образование в Харьковском государственном художественном институте, и его ровесник, также окончивший этот институт, бывший узник фашистского концлагеря Н. С. Журавлев [17, с. 64–65].

Важным фактором развития казахстанской скульптуры, в том числе мемориальной, наряду с появлением профессиональных кадров стало создание материально-технической базы. В 1940 г. был образован Художественный фонд Казахской ССР, практически во всех областях республики работали производственно-художественные мастерские. Предприятия фонда являлись творческой и материальной базой Союза художников Казахстана. В 1962 г. был сдан в эксплуатацию творческо-производственный комбинат (впоследствии — Алма-Атинский комбинат изобразительного искусства) «Онер» («Искусство»). Он объединил мастерские художников и производственные площади для выполнения скульптур в материале. В 1980 г. было закончено строительство корпуса художественно-скульптурных и каменотесных работ на проспекте Рыскулова [25, с. 51–52].

С появлением художественных памятников на кладбище Кенсай, вполне светских по характеру, сразу определилась тенденция разработки портретного жанра. Практически все индивидуальные художественные надгробия, за исключением нескольких, созданы в виде реалистичных бюстов или рельефов. Не получили распространения полноростовые скульптуры; исключения составляют монументальные памятники Герою Советского Союза Б. Момышулы, академику Г. М. Мусрепову и писателю К. Мухамеджанову.

Все многообразие надгробий на некрополе Кенсай можно разделить на типовые и индивидуальные. Типовые представлены в большинстве своем обелиском и вертикальной плитой (стелой) с полукруглым или (реже) широкоугольным навершием с элементами мусульманской религиозной символики или без них. Памятники по индивидуальным проектам исполнены в виде портретов (чаще — бюстов), аллегорических фигур (единичные) и традиционных форм надгробий, распространенных в Казахстане с времени проникновения ислама — кулпытасов, койтасов и сандыктасов.

До условного временного рубежа — начала 1990-х гг. на некрополе преобладали религиозно-нейтральные стелы, обелиски и светские скульптурные портреты, а также сочетания этих двух основных типов памятников.

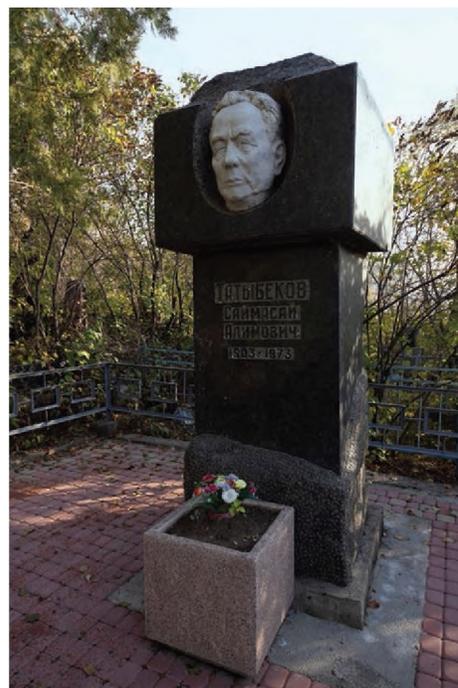
Примерами служат надгробия, установленные в 1970–1980-х гг. Это прямоугольные гранитные стелы с одной скошенной боковой стороной с накладными барельефами А. Х. Темирбекова (бронза) и Х. Мустафина (гранит). На месте захоронения знаменитого исполнителя казахских народных песен, лауреата Государственной премии Ж. Елебекова (его именем назван эстрадно-цирковой колледж в Алма-Ате) установлена стела из габбро с гравированным портретом певца в национальной одежде с домброй. Вертикальная стела из курдайского гранита также с гравюрой является памятником наркому и министру мясной и молочной промышленности, заслуженному экономисту К. Едыгенову. Аналогичные стелы из габбро с портретами установлены на месте захоронения видных казахских ученых, членов-корреспондентов Академии наук математика Т. И. Аманова (директор Института математики и механики) и языковеда К. А. Аханова (ректор Института иностранных языков) и генерал-майора КГБ Ж. А. Койчубаева. Они отличаются от типовых надгробий только размерами и гарнитурой шрифта. Памятники генерал-майору К. Б. Бошаеву (участник боев на Курской дуге, Днепре, в Польше и Берлинской операции) и кинорежиссеру А. Карсакбаеву (его фильм «Меня зовут Кожа» обошел все экраны Союза и был удостоен диплома Каннского кинофестиваля) отличаются тем, что барельефы вырублены непосредственно в массиве вертикальной плиты (габбро, аксайский гранит) и окаймлены ломаным контуром, акцентирующим выразительность портрета. Похожий по стилю памятник установлен

на семейном захоронении президента Академии наук, лауреата Государственной премии СССР академика У. М. Султангазина (умер в 2005 г.). Стела из белого мрамора на невысокой базе заключена в пространство между гранитными колоннами, перекрытыми общим для трех памятников антаблементом.

В 1960-е-1970-е гг. наибольшее развитие получила портретная форма мемориального памятника, в связи с чем это время считается периодом расцвета советской мемориальной скульптуры [18, с. 112]. Одновременно к началу 1970-х гг. в Казахстане «выросло изобразительное искусство с ярко выраженной национальной самобытностью, проникнутое верой в лучшее в человеке, духом социалистического гуманизма...» [25, с. 20]. В это и последующие десятилетия были созданы многие памятники, представляющие лучшие образцы казахстанской мемориальной скульптуры.

В ряду портретных надгробий, созданных в это время, следует отметить несколько наиболее характерных. Памятник одному из активных участников установления Советской власти в Казахстане, герою Гражданской войны С. А. Татибекову интересен в конструктивном и художественном отношении — прямоугольная колонна из габбро, рустованная кубом, в нишу которого вмонтирован горельеф из светлого (аксайского) гранита (ил. 1). Классические гранитные гермы с горельефными портретами И. Е. Кубенбаева (скульптор Н. С. Журавлев) и заместителя министра мелиорации и водного хозяйства Б. С. Сарсенова отличаются ясностью образа, тщательностью в проработке деталей, стремлением передать характер. Сходны с ними памятник из габбро С.-А. Джусупову (скульптор П. Д. Усачев), стела из аксайского гранита, установленная на месте захоронения секретаря правления Союза журналистов Казахстана К. Мендыгожина и гранитный бюст на постаменте из габбро члена-корреспондента Академии наук, заслуженного деятеля науки М. А. Ермекова (выпускник Тимирязевской академии, создатель казахстанских пород овец).

В ряду этих надгробий стоит памятник Герою Советского Союза Х. К. Кобикову (геройски сражался на Днепре, за Львов, при форсировании Одера), созданный заслуженным деятелем искусств Х. И. Наурызбаевым (ил. 2). Хакимжан Исмаханович Наурызбаев — первый профессиональный скульптор-казах, ученик О. Н. Кудрявцевой, признанный мастер и основоположник монументальной скульптуры в Казахстане. Всесоюзную известность получили его памятники Абаю Кунанбаеву (1961 г.) и Чокану Валиханову (1969 г.) в Алма-Ате. На Кенсай им в 1980-х гг. созданы памятники участнику Гражданской войны, председателю президиума Казахского филиала ВАСХНИЛ Х. Д. Чурину и ученому

1. Надгробие героя Гражданской войны С. А. Татибекова.
Фото: Андрей Лунин, 2023 г.

2. Надгробие Героя Советского Союза Х. К. Кобикова.
Скульптор Х. И. Наурызбаев. Фото: Андрей Лунин, 2023 г.

в области горного дела академику О. А. Байконурову. При создании надгробия последнего скульптор не использовал традиционную стелу с бюстом и поместил горельефный портрет в окружность, углубленную в переднюю плоскость массивного гранитного куба. Созданное ранее надгробие наркома и министра пищевой промышленности М. Е. Бутина выполнено в глыбе аксайского гранита. При довольно высокой степени обобщения и схематичности в памятнике читается присущее скульптору умение показать личность. Еще одной заметной работой Наурызбаева является памятник выдающемуся архитектору Т. К. Басенову — члену-корреспонденту Академии архитектуры СССР, заслуженному строителю Казахстана, разработчику генерального плана Алма-Аты. Бюст из габбро расположен в верхней части высокой стелы, полированная плоскость которой прерывается текстом и вынесенным влево дополнительным объемом камня с стилизованной волютой ионического ордера. Торжественным настроением и величественным видом проникнут памятник классику казахской литературы академику С. Муканову, также созданный Х. И. Наурызбаевым. Квадратная в сечении высокая стела из габбро завершается вырубленным в массиве портретом писателя.

В 1980-е гг. продолжена традиция создания портретных надгробий. Памятники государственным и военным деятелям решены, как правило, в виде «парадных портретов», не всегда удачных из-за преобладания формы, тяготеющей к непосредственной точности образа, над содержанием. Среди них бюсты председателя Алма-Атинского областного суда Ж. Абильжанова (габбро), полковника, заслуженного работника высшей школы Т. Кулахметова и организатора снабжения войск генерала Т. Турсумуратова (чугун), старшего следователя прокуратуры Казахской ССР О. К. Едгина (декоративный бетон) и Героев Социалистического Труда — организатора сельскохозяйственного производства М. Т. Тюмебаева и почетного железнодорожника, лауреата Государственной премии СССР М. Т. Казыбекова.

3. Надгробие государственного деятеля А. Ж. Бектасова. Фото: Андрей Лунин, 2023 г.

Бронзовый бюст, на невысоком плинте из габбро и пьедестале из курдайского гранита, с тщательной моделировкой маски, создающей портретное сходство, установлен на месте захоронения А. Ж. Бектасова — возглавлявшего наркоматы земледелия, водного хозяйства и совхозов, заместителя председателя исполкома Акмолинского областного совета (ил. 3). Во время работы на этой должности, в 1944 г. он помог известному скульптору И. Я. Иткинду (1871–1969), обвиненному в шпионаже, осужденному и высланному в 1938 г. в поселок Зеренда Кокчетавской области, переехать в Алма-Ату. Фактически А. Ж. Бектасов вернул к жизни уникального художника (московские коллеги были уверены, что Иткинд погиб еще в 1938 г.), влачившему существование в нищете и забвении. В Казахстане И. Я. Иткинд оставался до конца своей жизни. Ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Казахской ССР и созданы необходимые условия для работы.

Позже сходный по стилистике памятник из кованой меди был создан в 1998 г. П. И. Шороховым для С. Торегельдинова — отца Ж. С. Торегельдинова, почетного железнодорожника, депутата городского маслихата

(совета) города Алма-Аты и парламента Республики Казахстан.

Однако наиболее интересные монументы создавались для творческих личностей и ученых. В 1982 г. П. И. Шороховым был создан памятник казахскому поэту К. Идрисову

(переводил на казахский Пушкина, Лермонтова, Хикмета, Маршака, Барто и Михалкова) — постамент из аксайского гранита, с фамилией поэта на передней поверхности, акцентированной каннелюрами, и эпитафией на боковой, завершается массивом камня с горельефом, обрамленным аллегорической фигурой лебедя. Памятник напоминает созданное ранее надгробие народного поэта И. Байзакова (Центральное кладбище). Вполне завершенное пластическое решение и поэтический настрой, которым «проникнут» памятник, всегда привлекают к нему внимание посетителей некрополя.

Подобное «одухотворение» образа видно и в надгробии выдающегося казахского кинорежиссера, участника Великой Отечественной войны М. С. Бегалина, снявшего фильмы «Его время придет», «За нами Москва», «Песнь о Маншук» (скульптор Т. С. Досмагамбетов). Ранний уход из жизни М. С. Бегалина в 1978 г. стал трагедией для казахского народа и большой потерей для советского искусства. Памятник отцу Бегалина — одному из основоположников казахской детской литературы С. И. Бегалину (умер в 1983 г.) выполнен также по проекту скульптора Т. С. Досмагамбетова — на стеле из куртинского гранита расположен бронзовый барельеф с портретом писателя и персонажами его произведений. Интересная композиционная мысль, воплощенная в материале, оказалась маловыразительной и затерялась за множеством мелких деталей.

В 1983 г. скончался выдающийся казахский писатель-романист, лауреат Государственной премии И. Есенберлин. Мировую известность получили его исторические трилогии «Кочевники» и «Золотая орда». Его книги переведены на многие языки мира (в том числе на японский) и изданы общим тиражом более 8 млн экземпляров. Портретное надгробие (барельеф) писателя выполнено в глыбе аксайского гранита по проекту скульптора А. Б. Татаринова. В нем, как и в памятнике С. И. Бегалину, большой массив камня «затеняет» в целом выразительный и портретно-точный образ писателя.

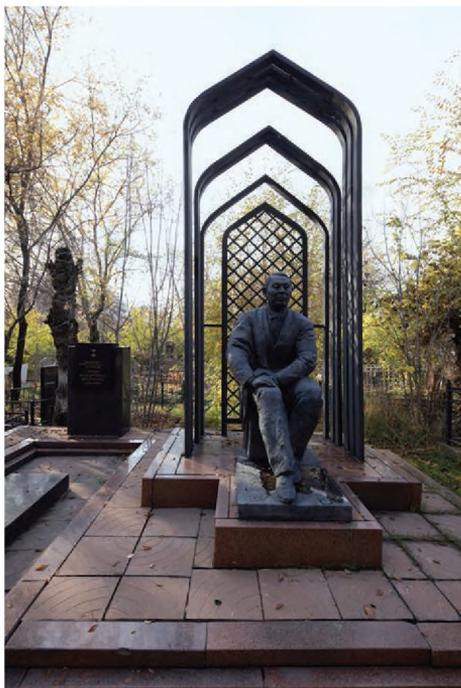
Одновременно создаются монументальные надгробия в граните, в которых «официальность» и стереотипная композиционная подача сочетаются с совершенством формы и «раскрепощенностью» образа. Таковы надгробия (погрудные и поясные портреты), выполненные в светло-сером аксайском граните мастеру спорта СССР и заслуженному тренеру Казахстана по вольной борьбе, семикратному чемпиону А. К. Казымбетову, заслуженному гидротехнику Казахстана, члену-корреспонденту Академии наук Р. Ж. Жулаеву, заслуженному деятелю науки, профессору историку Ж. Ж. Жумабекову. Эти захоронения расположены на так называемом «втором мемориальном участке», где сгруппированы захоронения конца 1970-х — начала 1980-х гг. («первый» находится рядом с захоронениями семьи Д. А. Кунаева и включает в основном захоронения начала и середины 1970-х гг.). Позже, в 2000-х гг. здесь будут установлены художественные надгробия видному экономисту, председателю Алма-Атинского областного исполкома Ж. Балапанову (ум. в 2004 г.) и его матери Б. Т. Таекеновой (ум. в 1978 г.).

К середине 1980-х гг. второй мемориальный участок был почти полностью освоен и для захоронения видных деятелей был выбран очередной, расположенный юго-восточнее и выше первых двух. Одновременно, в соответствии с решением № 1/16 от 7 января 1985 г. Алма-Атинского городского совета народных депутатов «О захоронении на кладбище «Кенсай», с 1 января 1985 г. захоронения были официально запрещены. Однако этим же актом разрешались «захоронения почетных граждан» (при наличии земельного участка, отвечающего требованиям § 29 «Инструкции о порядке захоронений и содержании кладбищ в населенных пунктах Казахской ССР») [11, л. 143]. Была начата разработка территории нового некрополя «Кенсай-2», расположенного на соседнем холме, южнее и восточнее старого кладбища.

На «третьем» мемориальном участке в середине и конце 1980-х гг. было установлено немало интересных надгробий. «Вертикальной доминантой» участка стал памятник Бауржану Момышулы — гвардии полковнику, легендарному герою обороны Москвы,

4. Надгробие Героя Советского
Союза Б. Момышулы.
Скульптор П. И. Шорохова.
Фото: Андрей Лунин, 2023 г.

5. Надгробие Героя
Социалистического Труда
академика Г. Мусрепова.
Скульптор Т. С. Досмагамбетов.
Фото: Андрей Лунин, 2023 г.

командиру 19-го стрелкового полка 8-й гвардейской (316-й стрелковой) дивизии, участнику 27 тяжелых боев, в которых руководимый им личный состав проявлял беспримерный и массовый героизм, предотвративший катастрофу нескольких наступательных операций на столицу. Герой Советского Союза генерал-майор П. П. Вершигора назвал литературный труд, которому посвятил себя Б. Момышулы в мирное время (рассказы и повести о войне и современниках, переводы с русского и казахского, литературная критика), подвигом, равнозначным его боевым заслугам. В 1985 г. на основании решения исполкома Горсовета об увековечении памяти Б. Момышулы на месте его захоронения было установлено монументальное надгробие по проекту скульптора П. И. Шорохова (ил. 4) [9, л.13]. Фигура на постаменте из куртинского гранита как бы вырастает из земли, чем подчеркивается ее мощь, пятиметровый винтовочный штык придает завершенность и строгость всему ансамблю.

К этому же периоду относится создание памятника выдающемуся ученому, президенту Академии наук М. А. Айтхожину (скульптор П. И. Шорохов) — основателю молекулярной биологии в Казахстане, депутату Верховного Совета СССР, лауреату Ленинской премии. На стеле из аксайского гранита с «обломанным» верхом, символизирующим раннюю смерть, низким рельефом дан профильный портрет, окаймленный внешним контуром. При соответствующем косом освещении на плоскости стелы видны три профиля — барельеф, контур и тень от барельефа, что воспринимается как неоднозначность и многоплановость натуры ученого. Памятник композиционно повторяет надгробие кинорежиссера И. А. Пырьева на Новодевичьем кладбище.

Памятник Герою Социалистического Труда академику Г. М. Мусрепову (бронза, скульптор Т. С. Досмагамбетов), как и надгробие Б. Момышулы, стали явлением в казахстанской скульптуре и были высоко оценены художественным сообществом Советского Союза (ил. 5). Использование национальных мотивов в архитектурном оформлении классического памятника создает ощущение пространства, в котором «живет» образ писателя, и одновременно символизирует вехи большого жизненного пути, пройденного им. Подобно С. Муканову, Г. М. Мусрепов еще при жизни обрел статус «классика», а его многогранная деятельность (проза, переведенная на 34 языка мира, критика

и драматургия, руководство Союзом писателей, депутатство и председательство в Верховном Совете Казахской ССР, литературоведение и фольклористика) была высоко оценена правительством республики.

Вслед за захоронением Б. Момышулы на «третьем» мемориальном участке, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. был установлен ряд индивидуальных художественных надгробий. Этот временной рубеж совпал с началом стагнации в государственном регулировании заказа и ликвидацией Государственной комиссии по приему памятников и Художественного фонда, отсутствием нового поколения скульпторов с московским и санкт-петербургским образованием. Проявилось это неоднородностью профессионального уровня создаваемых памятников. Скульпторы старшего поколения продолжали работать в рамках наработанных приемов: классические портретные надгробия (с проработкой деталей маски) архитектора М. М. Мендикулова, историков К. Какимжанова и А. Нусупбекова, писателя Г. Мустафина. В этом же ряду — бюст командира взвода 3-й стрелковой роты 674-го полка 150-й стрелковой дивизии Рахимжана Кошкарбаева, который вместе с красноармейцем Григорием Булатовым 30 апреля 1945 г. первым водрузил Красное знамя на здании Рейхстага. Новые мастера (часто не имеющие соответствующего образования) и старые (уже не зависящие от решений Госкомиссии по приему памятников) начали создавать скульптуры явно ремесленного уровня — памятники народному Герою Казахстана партизану К. Кайсенову, писателю С. Ашимбаеву, генерал-майору милиции А. Т. Тумарбекову.

С начала 1990-х гг. на некрополе стали появляться традиционные формы надгробий, распространенные в казахской степи со времени проникновения ислама (XI–XII вв., по другим данным — с VIII в.), — уштасы, койтасы, сандыктасы и кулпытасы. Считается, что кулпытасы (прямоугольные в сечении стелы с плоскорельефной орнаментальной или эпиграфической резьбой по камню) являются видоизмененными балбалами — каменными статуями, отражающими символично-космогоническую систему древних тюрков, распространенными на территории Казахстана до арабского завоевания и трансформированными под влиянием ислама, запрещавшего изображения человека [19, с. 32]. Сравнительное изучение кулпытасов различных эпох показало, что наиболее древние из них, как правило, имеют большое сходство с балбалами, что проявляется, в частности, в обработке верхней части стел, имеющих шарообразную форму, напоминающую человеческую голову [22, с. 15].

Применение комплекса формально-типологических признаков (архитектурно-пространственного, художественно-декоративного, конструктивного) при классификации традиционных надгробий позволило выделить также кроме стел с различными видами членения стилизованные и скульптурно-стилизованые надгробия (койтасы), ящики-саркофаги (сандыктасы) и их сочетания (так называемые композитные типы) [2, с. 60, 73–79]. Популярность таких надгробий росла с начала 1990-х гг. на фоне реставрации традиционализма и архаизации общественного сознания.

В это же время на смену религиозно-нейтральным стелам приходят вертикальные плиты с полукруглым (или в виде чалмы) или широкоугольным навершием с элементами мусульманской религиозной символики. Такие памятники из габбро или кургинского гранита установлены видным государственным деятелям — первому секретарю Алма-Атинского обкома, депутату Совета национальностей Верховного Совета СССР К. М. Аухадиеву, председателю Верховного Совета Казахской ССР, Герою Социалистического Труда Б. А. Ашимову, председателю КГБ и Верховного Совета, секретарю ЦК Компартии Казахской ССР З. К. Камалиденову. На некоторых подобных стелах в качестве резного декора дано символическое изображение (параллельно контуру камня) портала или «входа». Этот изобразительный мотив перекликается с известным хадисом аль Кудси (откровение Аллаха, воспроизведенное пророком Мухаммедом): «Смерть — это чаша и каждый (человек) изопьет из нее. Могила — это дверь и каждый войдет в нее» [28, с. 87–88].

Установка архаичных форм надгробий на некрополе, имеющем богатую художественную историю, вносит диссонанс в его композиционно-ансамблевый и исторический облик. Они искусственно сочетаются с современными портретными памятниками, и такое сочетание редко бывает удачным с художественной точки зрения (одно из исключений — надгробие президента

Академии наук, народного героя Казахстана Ш. Ч. Чокина на Центральном кладбище, скульптор — У. Б. Шанов). В частности, койтасы — стилизованные скульптурные изображения барана дополняют «светское» портретное надгробие народного писателя Казахстана — К. Шангитбаева, а на месте захоронения президента Академии наук А. М. Кунаева (младшего брата Д. А. Кунаева) и его жены Л. М. Ауэзовой (дочери классика казахской литературы М. О. Ауэзова) и народного писателя А. Тажибаева установлены седловидные койтасы и кулпытасы (ведущий тип надгробия в XVIII–XX вв., характеризующийся устойчивой пространственно-композиционной концепцией, выраженной в противопоставлении горизонтального и вертикального объемов, ориентированных по оси восток — запад). Однако пропорции горизонтально-ступенчатой структуры базы и койтаса оказались нарушены, а конструктивные и декоративные элементы ансамбля — несоразмерными, в результате чего памятники утратили свои эстетические функции и превратились в «нагромождение камней». Такие надгробия за последние три десятилетия во множестве установлены на новом некрополе Кенсай-2. Наконец, сами эти надгробия, исполняемые в ремесленных мастерских, как самостоятельный архитектурно-художественный объект редко бывают совершенными по пропорциональному построению, обобщению формы и изображению декоративного (орнаментального или эпиграфического) мотива.

6. Надгробие народного писателя Казахстана Т. Ахтанова. Фото: Андрей Лукин, 2023 г.

Редким примером удачного решения традиционно надгробия является памятник народному писателю Казахстана, лауреату Государственной премии Т. Ахтанову (воевал под Москвой, в Крыму, Германии, был ранен, позже написал о панфиловской дивизии роман «Грозные дни», удостоенный премии имени Валентина Пикуля). Данный памятник характеризуется гармонией трех компонентов: объемов, пространственного решения, разработки поверхности (ил. 6).

Резюмируя результаты краткого экскурса в область современной казахстанской мемориальной скульптуры, отметим три параллельные тенденции в надгробном ваянии в Казахстане. Первое — продолжение создания «светских» надгробий в портретном жанре, являющемся наиболее востребованным в индивидуальных заказах. Второе — растущая популярность архаичных форм надгробий, часто с указанием родовой принадлежности умершего с помощью родового знака — тамги или надписи, что является отражением регионально-партикуляристской доктрины (внутриэтнического трайбализма), внедряемой в общественное сознание. Третье — очевидное снижение художественного и технического уровня новых работ (по сравнению с памятниками 1970–1980-х гг.) казахстанских скульпторов из-за отсутствия возможности получения ими образования в Москве или Санкт-Петербурге и ликвидации Государственной комиссии по приему памятников (укомплектованной компетентными специалистами). Вышесказанное определяет необходимость широкого теоретического анализа «интеграции» традиционных форм надгробий в общее современное «поле памяти исторического некрополя» и реальных возможностей (московское или Санкт-Петербургское образование, прозрачность государственных конкурсных процедур, но самое главное — достижение высокой индивидуальной художественной культуры и творческой эрудиции) «поворота мышления» современных скульпторов в мир профессионально-точных художественных образов и оптимальных пропорций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдрахманов С. А. Топонимика Казахстана: транслитерация и этимология названий. Алматы: АО Национальный научно-технический холдинг «Парасат», 2012. 182 с.
2. Аджигалиев С. И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана (на основе исследования малых форм). Алматы: Гылым, 1994. 260 с.
3. Алматы: Административно-территориальное деление 1918–2003 гг. / Сост. Н. В. Чаушанская, М. К. Тахаева. 2-е изд., дополн. Алматы, 2008. 134 с.
4. Афонин Г. А. История развития и основные характерологические черты казахстанской мемориальной скульптуры // Месмахеровские чтения — 2022. Материалы междунаро. научно-практич. конференции: сб. науч. ст. / ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица»; ред. состав. М. Е. Орлова-Шейнер [и др.]; науч. ред. А. И. Бартенев, Г. Е. Прохоренко. СПб.: СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2022. С. 210–223.
5. Государственный архив города Алматы. Ф. 174. Оп. 29пр. Д. 898.
6. Государственный архив города Алматы. Ф. 174. Оп. 29. Д. 1154.
7. Государственный архив города Алматы. Ф. 174. Оп. 29. Д. 370.
8. Государственный архив города Алматы. Ф. 174. Оп. 29. Д. 459.
9. Государственный архив города Алматы. Ф. 174. Оп. 29пр. Д. 2056а.
10. Государственный архив города Алматы. Ф. 174. Оп. 29пр. Д. 1416.
11. Государственный архив города Алматы. Ф. 174. Оп. 29пр. Д. 2033.
12. Государственный архив города Алматы. Ф. 350. Оп. 1. Д. 41.
13. Государственный архив города Алматы. Ф. 76. Оп. 7. Д. 605.
14. Государственный архив города Алматы. Ф. 174. Оп. 28. Д. 51.
15. Государственный архив Алма-Атинской области (ГААО). Ф. 685. Оп. 7. Д. 632.
16. Государственный архив города Алматы (ГАА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 58.
17. До сих пор больно... Воспоминания алмаатинцев — несовершеннолетних узников фашизма / Под. ред. И. Баженовой. Авт. текстов О. Акулова и др. Алматы: Время, 2018. 128 с.
18. Ермонская В. В. Советская мемориальная скульптура. К истории становления и развития русского советского художественного надгробия. М.: Советский художник, 1979. 214 с.
19. История казахского искусства в 3 томах. Т. 2. Средневековый период. / Отв. ред. Кузембаева С. А. Алматы: Арда+7, 2012. 448 с.
20. Койчубаев Е. Краткий словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1974. 275 с.
21. Кошман Т. В., Хабдулина М. К., Дукомбайев А. Т. Некрополь Караоткель: сакрально-религиозная функция кладбища // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение, 2022. Т. 139. № 2. С. 76–95.
22. Мендикулов М. М. Памятники архитектуры полуострова Мангышлака и Западного Устюрта. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1956. 117 с.
23. Москвина Г. Д., Мельдахасова М. К. Территориальная подвижность населения и процессы урбанизации в Казахстане. В кн. Население и трудовые ресурсы Казахстана: тенденции и прогнозы. Сборник статей. Сост. С. Б. Баишев. Алма-Ата: Наука, 1979. 195 с.
24. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семенова; под общ. рук. П. П. Семенова и В. И. Ламанского. СПб.: А. Ф. Девриен, 1899–1914. Т. 18: Киргизский край: [Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области] / сост. А. Н. Седельников. 1903. VIII, 478 с.
25. Союз художников Республики Казахстан в документах и фотографиях: 1933–1991. Авт. статей Г. Н. Сырлыбаева. Ред. и сост. К. В. Ли. Алматы: «Интерпринт», 2009. 279 с.
26. Султангалиева А. К. Город и люди: социокультурная трансформация в Казахстане. Алматы, 2010. 244 с.
27. Топонимика Казахстана. Энциклопедический справочник. Алматы: «Аруна», 2010. 816 с.
28. Эпиграфические памятники Северного Кавказа / Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова. Часть 2. Надписи XVIII–XX вв. М.: Наука, 1968. 242 с.

Сведения об авторе:

Афонин Георгий Алексеевич, доктор медицинских наук, ассистент кафедры онкологии, Казахский национальный медицинский университет имени С. Д. Асфендиярова; ilyenkov_diamat@mail.ru

Afonin Georgiy Alekseevich, Doctor of Medical Sciences, assistant at the department of oncology, Asfendiyarov Kazakh National Medical University; ilyenkov_diamat@mail.ru

Научное издание

МЕСМАХЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2024

Материалы международной
научно-практической конференции
21–22 марта 2024 г.

Сборник научных статей

Над сборником научных статей работали:

А. Н. Кислицына, Т. В. Ковалева, А. И. Бартенов,
Г. Е. Прохоренко, А. М. Фатеева, Н. Н. Цветкова,
М. Е. Орлова-Шейнер, О. Б. Элькан, А. С. Ергина, Я. А. Лазаренко,
К. А. Андрейчук, С. Н. Георгиева

Редакторы англоязычного текста: А. И. Бартенов, О. Б. Элькан,
С. Н. Георгиева

Корректоры: С. В. Васильева, Т. Н. Данилова

Подготовка оригинал-макета ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Отпечатано в ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Заказ № 040. Подписано в печать 12.03.2024 г. Бумага офсетная.
Формат 60×84¹/₈. Объем 69,5 п. л. Тираж 500 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 174, тел./факс (812) 685-73-00, 970-35-70

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>

📄: https://vk.com/asterion_izdatelstvo